

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

**Денис
Штейн:
«НАЙТИ
СВОЙ
РАКУРС»**

СТР. 14-16

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№27 (27)
ДЕКАБРЬ 2020

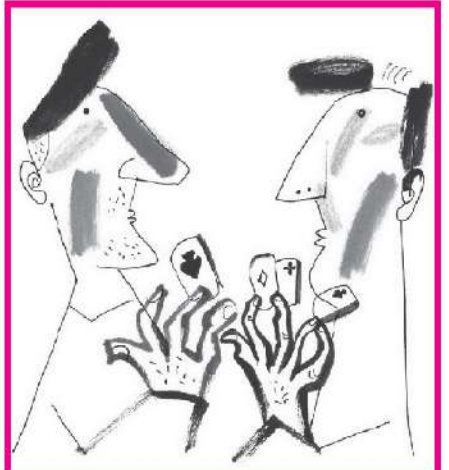
Бульварные новости

СТР. 6-7

**ЮРИЙ
НИКУЛИН:**

**«ВЫЗВАТЬ СМЕХ –
ГОРДОСТЬ ДЛЯ МЕНЯ»**

**«ГАФТ НЕ
РИФМУЕТСЯ
НИ С ЧЕМ...»**

СТР. 5

**НОВАЯ
МЕЛИХА –
НОВЫЕ
ПРАВИЛА**

СТР. 10-11

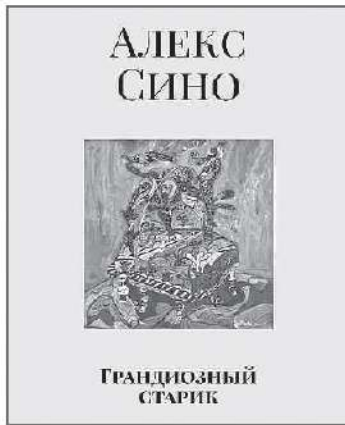
В прошлом году увидела свет книга нью-йоркско-флоридского одессита Алекса Сино «Грандиозный старик».

Сборник рассказов, написанных вкусным одесским языком, прекрасно иллюстрированных.

Книга уже давно (да всего за год, но так бывает) стала библиографической редкостью.

С согласия автора, начинаем публиковать отдельные рассказы.

Но, сначала предисловие.

Идея оформления моих разрозненных записок в красивое издание принадлежит моей супруге, Марине Сино. Поэтому эпиграф Сергея Довлатова «Моей жене, которая права» уместен и для этой книги. Марина сходу представила, как именно она должна выглядеть, и позвонила нашему замечательному, талантливому другу Мише Реве. К моему большому удивлению, Миша согласился, и наша творческая пара не только радостно рассказала мне, как именно книга будет выглядеть, но и сообщила, что печатать мы будем ее в Италии (а где же еще!), причем в знаменитом издательстве «Тинторетто».

Миша Рева! Я так рад, что судьба свела нас лет 25 назад, и понимаем мы друг друга с полуслова! Созданные тобой образы — это полноценное соавторство!

Мой близкий человек Леонид Агутин! Помимо преданной дружбы и интереснейшей совместной работы, ты подарил мне свое представление о музыке, о ритме в нотах, в прозе и стихах.

Хочу поблагодарить родителей — Клаву и Семёна, свою дочь Юлию, ее детей, будущих детей ее детей и так далее, пока хотя бы кто-то, нет-нет, да и вспомнит об этой книге и ее персонажах.

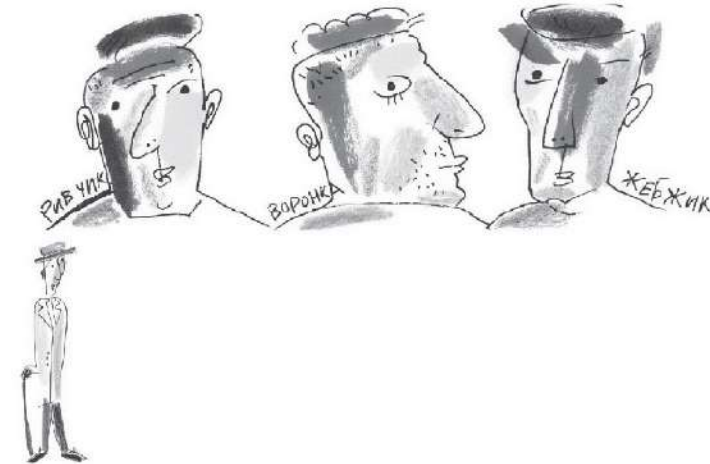
Одесситы и жители Нью-Йорка (иногда это одни и те же люди!): вы — герои моих наблюдений, хотя, конечно же, все персонажи книги выдуманы, а сходство с реальными людьми весьма случайно. А не случайно, и это очень ценно, подкаски и творческие советы друзей-одесситов: Вадима Ярмолинца и Евгения Голубовского. И если удастся добавить от себя немного юмора, хорошей музыки и аромата утреннего моря, то все получится!

НОВАЯ МЕЛИХА — НОВЫЕ ПРАВИЛА

Алекс Сино,
иллюстрации Михаила Ревы

Противное выражение — «наша мелиха» я услышал в раннем детстве. Означало оно «советская власть». Все беды и неудачи в жизни, так или иначе, связывались с «мелихой». Больше всего жаловался на «мелиху» мой дядя Люсик по кличке «Люка-мопс». Он получил свою кличку за мертвую хватку в драках на одесской «Касарке» — небольшом парке на Молдаванке. Маленький, но духовитый Люсик прыгал на обидчика, хватал его за горло и молотил без устали кулаками. Люку-мопса уважали в довоенной Одессе и блатные, и деловые. Тогда у всех молдаванских были клички. Люкину кампанию я помню уже солидными деловыми дядьками со смешными кличками: Ворона, Жабжик, Сеня-сума-тоха, Ривчик, Миша-поц, Шестипалый, Бумчики другие.

Люсия папа, Ефимчик, не одобрял Люскину молдаванскую сагу. Он был интеллигентным человеком — носил «Чаплинские» уски, выходил к обеду в белоснежной рубашке со стоячим воротничком, с неизменной тросточкой, в костюме и при галстуке, что, впрочем, не мешало ему опрокидывать стакан другой простого прохладного одесского вина в поддельной бодде на Колонтаевской улице напротив дома. Ефимчик частенько угощал эклерами красавицу

жону Аннету в кондитерской на улице Преображенской, а по воскресеньям ездил в кинотеатр на конке.

Ефимчик родился в Берлине. В 1914 году он загремел в армию, разумеется, немецкую, дослужился до чина унтер-офицера, и в 1917 году вместе со всей ротой благополучно попал в плен к русским. В плену Ефимчика собили с панталыка красные агитаторы, и вместо того, чтобы после окончания войны пробираться к своим в Германию, он перешел свою роту на сторону революции и остался в России.

К счастью, на этом его героизм закончился, и он осел в красивой и терпеливой Одессе. У него не было друзей. Все его приятели большевики в разное время стинули по лагерям и тюрьмам. Ефимчик от страха никогда не делился своим прошлым. Даже с семьей. Говорил он до конца своих дней с немецким акцентом. Но кого в Одессе этим удивишь? Тем более немцам вкупе с еврейским.

Так вот, Ефимчик частенько ругал Люсика за карты, игру в «стеночку», мелкие фразеские налеты и абсолютное нежелание учиться. Называл его «а гоныф» (бандога) и прочими обидными именами. Иногда доставал его взбалмошную голову своей гибкой тростью. Люсик лениво отбивался и громко спрашивал, так, чтобы слышали соседи: «Папа, это вас в немецком университете обучали таким зверствам или мелиха наша покой не даёт?». На этом скандал кончился — Ефимчик трусливо сбегал.

Так семья наша и жила — молдаванка, двор, тесная квартира без удобств, четверо детей: Абраша — старший, художник, получивший в 16 лет Сталинскую премию; Люка-мопс, сорвиголова, Берчик — инвалид, потерявший ногу под трамваем на улице Тираспольской, и Сенечка — пацан, добряк, мой отец. Все родились в одной квартире. Аннета не верила мелихе и предпочитала рожать дома.

В 1941 году, когда Люсику едва исполнилось 17 лет, он пошел на фронт. Побежал за старшим братом. И как ни умолял его Ефимчик с Анкетой, Люсик был непреклонен. Так и порешили на семейном совете: Ефимчик пошел в подполье;

Берчик остался с бабкой (а кто тронет инвалида?), Абраша и Люсик отправились воевать, а Сенечка с мамой уехали в Казахстан.

Абрашу убили в 1943-м. Безногого Берчика выдали соседи. Уж больно его квартира была хороша. Его повесили прямо у нас во дворе. Люсик пропал. Ефимчик долго искал его и нашёл. На койке в военном госпитале лежало плотно забинтованное тело. Остались только прорези для глаз. Над койкой висел китель с двумя орденами и медалью «За храбрость». Когда Люсика разматывали, Ефимчик его не узнал. Тот был весь седой. Вся правая сторона в осколках. Худой. Без пальцев на правой ноге и руке. Видя реакцию Ефимчика, Люсик прошептал: «Папа, брось палочку, вы же культурный человек».

После войны все выжившие родственники собрались в том же одесском дворе. Кого-то улотнили. Чью-то квартиру заселили. Мебель растащили. Когда кому-то из беженцев нужна была помощь в обустройстве, в дверях появлялся все ещё бледный и слабый Люсик и тихо говорил сволочным соседям: «А ну не гавкай. Это тебе не при румынах». И все вопросы решались быстро и без участия мелихи. Ефимчик, не любивший шума, переживал, но больше никогда не делал при людях замечаний Люсику.

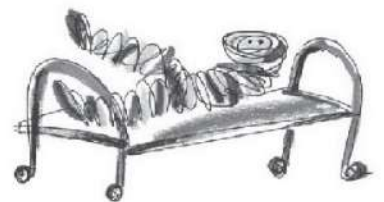
В первую годовщину Победы дядя Люсик женился на красавице Мусиньке. Она была создана для семейного счастья: светлые глаза, полные плечи, красивый бюст, кудрявые волосы, еврейская семья с молдаванки, на суботнем столе —

тетина фаршированная рыба, тещин дядя Петя, любивший пропустить с Люсиком пару стаканчиков сухого — ну чего ещё желать в мае 1946 года! Свадьбу сыграли прямо во дворе. И кличку после свадьбы Люсик сменил на более гламурную — Люся — Дюк. Он занялся продажей сигарет. Каждую ночь его, громко цокая, возла домой конка с одесской табачной фабрики. В конце торжественно стоял Люсик, широко раскинув руки. На нем был плащ. На голове юпка. Во рту папироса. Жуткое зрелище. Ни дать, ни взять воскресший Дюк Эммануил Де Ришолье. Люсик не мог ни сидеть, ни согнуть рук. Одежда его была плотно набита сигаретными гильзами «Сальве». В тяжелейшем плаще был табак. Иногда Люсик просил извозчика остановиться, чтобы поменять папиросу или почесать ему нос, страдающий от табачного запаха. Редкие прохожие растерянно здоровались, а милиция и вовсе сторонилась конной Люскиной статуи. Возле дома здоровенный извозчик везливал Люсика на плечи и торжественно вносил в квартиру. Соседи были в восторге. Муся — в ужасе.

Дома его ждала все та же одесская компания — Воронка, Жабжик, Ривчик и другие. Они дружно набивали сигареты для продажи на Старокошном рынке.

Видя укоризненные глаза Ефимчика, Люсик говорил: «Папа, мелиха живет хорошо, и мы должны жить хорошо. Мы не делаем никому проблем. Это их игра. Их правила. Не мухлюй выиграть у них нельзя. Они сами дают мухлявать, пока у тебя есть что проигрывать. Завелась — и сразу идёшь в отбой».

И Люсик играл в их игры. Проигрывал, отыгрывался, но играл. Мелиху он изучил досконально. Играл в подпольные цеха, где из отходов пластмассы производили пляжные туфли-мыльницы и сумки, в скрупул вещей, в удешевленные ткани, в производство «кустарных» джинсов. Типичный «большой» одесский бизнес 1960-х годов. И никому не делал проблем. Людей одевал. Мелиху подкармливал. Семейно любил. Другими с Молдаванки давал работу. Играл и в карты по старой привычке. Жестко и азартно, по-одесски. Играл на барбуге у маэтра дяди Лёни, на чалых судах ЧМП, плывущих вдоль Крымско-Кавказского побережья, на склонах пляжа «Аркадия». Иногда он исчезал на несколько дней. И тогда его брат Сенечка шёл на поиски по барбутиным местам, врывается в хаты, где шла игра, хватал Люсика и уводил его домой. За это могли и убить. Игроки на барбуге никогда не встают со стола пока все игроки не решают, что игра закончилась.

Когда Люсик понял, что мелиха, в конце концов, проглотит его, как и многих его друзей, он одним из первых уехал из страны. Мелиха, в лице районного прокурора, отхватила его трёхкомнатную квартиру на Разумовской улице, немецкий гарнитур «Хельга», кремовую «Волгу» ГАЗ-21 и устроила ему тихий и быстрый отъезд. Когда за Люсику пришли люди с корочками ОБХСС, он уже пересёк станцию Чоп по пути к совсем другой жизни.

Сенечка остался в Одессе один. Они жили порознь ещё много лет, Люсик, седой, весь в орденах, ходил по посольствам, стучал палкой по столу и требовал, чтобы Сенечку немедленно выпустили к нему. Тот пытался получить визу в родной Одессе. Но мелиха все ещё играла по старым правилам, и Сенечка был бессилен.

А Люсик, может от тоски по Одессе и Сенечке, а может и от болезни с каждым годом чах и умер в шестьдесят с небольшим. Через год Сенечке и его семье все же удалось приехать к нему на могилу. После смерти Люсика, Сенечка уже никогда не был самим собой. Мне кажется, что он всеми силами пытался забыть детство, своё прошлое, родителей и братьев. Он резко терял память, и последние годы не узнавал уже никого. Только однажды, незадолго до смерти,

он, увидев собственную фотографию на прикроватной тумбочке в больнице, радостно воскликнул: «Люсик!».

Да, чуть не забыл! В 1990-х я приехал в Одессу погостить. Привычно пошёл через Касарку напрямик в родной двор. По пути за мной увязалась шпана. Я убыстрил шаг. Они за мной.

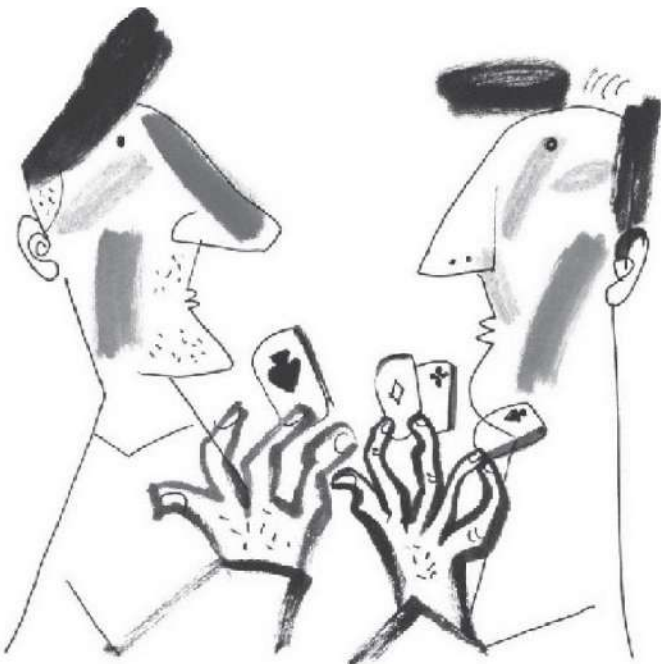
Трусливо думаю, что отдам часы и доллары, главное, чтобы паспорт не отобрали. Вдруг за спиной слышу: «Эй, подойди сюда». Вижу, стоит моя шпана, и мнётся с ноги на ногу, а рядом дядька такой стоит, в возрасте, видавший виды.

Я подошёл к ним на негнущихся ногах. Дядька шпане говорит: «Это Люки-молса племянник. Проводите его до двора, поведите на Староконный и угостите по-одесски. И передайте по Касарке, чтобы присматривали за ним, а то придурков залётных развелось немёряно».

И мне вопросик: «Бизнес делаешь?» Я: «Да нет, бычки-камбалу-только поем, Сенечке фоток наделаю, к Ефимчику и Аннете на кладбище схожу, и домой».

Он: «Верно мыслишь. Новая мелиха пришла, новые правила. Не знаешь, как играть — не лезь. Это меня так Люка-молсучил».

Мы обнялись и пожали руки. Крепко. По-одесски.

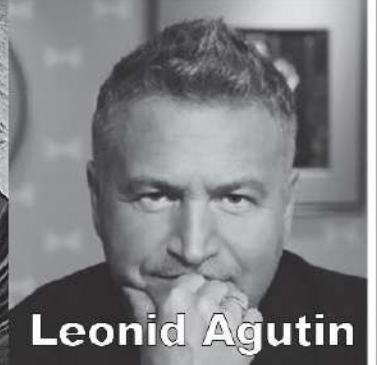
Palm Beach International Music Awards

www.PBIMA.com

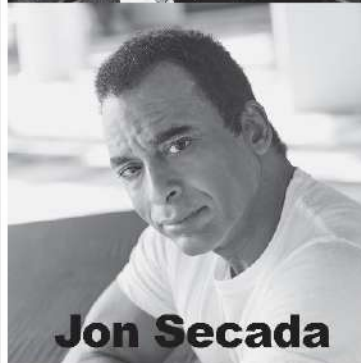
Ждем вашу музыку и фильмы на нашем Международном конкурсе в Палм Бич!

Al Di Meola

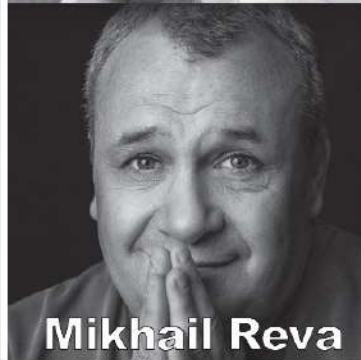
Leonid Agutin

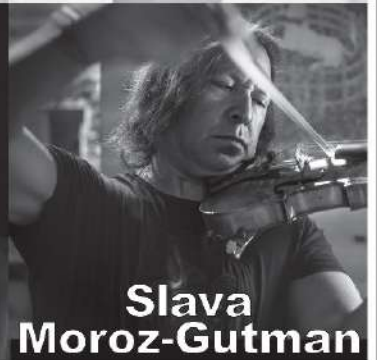
Jon Secada

Angelica Varum

Mikhail Reva

Slava Moroz-Gutman